«Я боюсь, что меня могут обвинить в конъюшктуре, но то, о чем я пишу сейчас, — это итог восприятия правдивой чудовищной информации, которую нам открыли за последние годы. И стихи мои — неизбежный результат осмысления судьбы России».

Меня убили на втором допросе: Тупой сапог исполнил приговор. Застыла мысль на внутреннем вопросе: За что мученьи эти и позор? Кому все это надо исковеркать, Перевернуть и нагло извратить? Идеи свет от моря крови меркнет, И блеск ее уже не возвратить. А сколько их таких, как я, убитых, Запуганных, раздавленных... Борьба --Вернее, геноцид незунтов — Распяла Родину у грязного столба. Я более не верю коммунизму: Его из сердца выбил пыток зверь. Смотрите на историю сквозь призму Жестоких, неоправданных

Еще звонок рассвета

Не растревожил мир,

А ты уже одета —

Любви окончен пир.

Неловкие движенья

Итожишь у зеркал.

На улице круженьем

Свет в окнах замелькал.

А мне в подушке смятой

Остался запах, и...

Я завтра виновато

Найду глаза твои.

потерь.

Не чувствуя укора,
Как будто невзначай,
Начну переговоры —
Прийти ко мне на чай.
Чтобы никто не видел,
Чтобы никто не знал
Любви в жестоком виде
И судеб криминал.
В том ты не виновата,
И я не виноват,
Что ты другим отнята,
А я другой отнят.

НА УЛИЧНОЙ СКАМЕЙКЕ

Такая вот фанаберия...
Такой мой, наверно, удел.
Сидел при Ежове, при Берии и при Маленкове сидел.
А были и сын ведь, и дочка, да где они? Живы авось...
За лагерных тридцать годочков
Сидеть-то почти не пришлось.

ключи

Улыбалось мне счастье не часто, Я в себе его прятал, как грех, Ибо все-таки счастье не в счастье, Если нет его в мире для всех. В одиночное счастье не верю. Такового себе не прощу. Но ключи от единственной двери С тайным страхом по жизни ношу. Но ведет к ней дорожка кривая, Заслониет ее суета. Иногда эту дверь открываю, А за дверью — одна пустота! А за дверью — безмолвная

мука.

Но бывает: зажжется свеча, И, как призрак, засветится Муза, Неразборчиво что-то шепча... Неужели в тот шепот я верю? Но без этого жизнь — хоть кричи. Все спешу я к единственной двери, Все боюсь: потеряю ключи...

APMENCKOE TPANSE

Храню армейское тряпье, пускай в углу лежит.
Когда послужите с мое (а лучше не служить), тогда поймете, я ли мог расстаться, в дом придя, и с парой хромовых сапог, что знали множество дорог, и с прорезиненным плащом от снега и дождя, с шинелью? Мир им будет

Пусть будет мир и мне. Я не нажал на кнопку

«Пуск!», а потому мой ратный путь оправдаи был вполне. Пускай в углу старье лежит. Ему ведь — грош цена. Сейчас бы только

пусть.

да жизнь всего одна...

C BO3PACTOM
TAMFT

А РОДИНУ

·I

С возрастом тянет на Родину. Ветками машут дубы. О, как набили оскомину звуки дорожной трубы.

II

Марш двадцатипятилетний... Силы иссякли почти. Был я солдат не последний не спотыкался в пути.

III

Вот отстою на поверке и — до свидания, строй! Буду в своей деревеньке стараться делать добро. Надо почистить колодец, надо поправить забор, дело нехитрое вроде — надо остаться собой.

Тут есть овраг и есть излучина. И есть ракита над прудом. И женщина живет, измучена войною, грустью и трудом. Она невзрачно одевается, она невесело глядит и никому не улыбается, и ничему не удивляется, как будто сердца нет в груди. По вечерам окно не светится, ее калитка не скрипит, Никто не хочет с нею встретиться, ее порог переступить.

Под крышей тут гнездится ласточка,

Бурьяном двор ее зарос. На стенке в рамке фотокарточка —

веселый юноша-матрос.

Берлов поначалу даже не понял, что его заметили. Что ктото наблюдает за его действиями и наблюдает уже продолжительное время. Только когда простучат в ушах гулкие секунды, он поймет весь ужас происшедшего и вздрогнет. Вздрогнет сильно, мощно, так, что заломит в груди да не отпустит.

— Ты — что? — это будет его этакой рефлективной защитной фразой, которую он произнесет в полумраке с тем страхом, какой бывает у человека, попавшего в страшную беду.

— Ничего... а ты чего? вроде спокойно, хотя и, как показалось Берлову, с долей напряжения произнес тот, что оыл в двух шагах от него, но лицо которого скрывала подзолоченказарменным ночником ночь да еще прожилины двухъярусных солдатских кроватей, с которых свисали кишкой простыни и одеяла, под коими отдыхали тела молодых мужиков. Мертвая тишина расползлась по норам провонявшего людским потом, гуталином и замусоленными портянками казарменното пространства, откуда торчали эти отвратительные глаза. И не уберешь этих глаз, и не убежишь от них, как убегают порой от тяжелого сна, проснувшись поутру. Это была явь, с которой нужно было мириться.

Берлов принялся бешено искать правдоподобные объяснения своим действиям. Ну такие, которые бы убедили желтые проклятые глаза в том, что он, собственно, ничего предосудительного вовсе и не делал. Просто... Ну что «просто»то? А? Ну думай же, думай да побыстрее, пока есть еще мизерный шанс оглушить этого невольного свидетеля твоего позора правдивой неправдой. Быстрее! Через мгновение будет уже поздно, потому как тот уже успест загипсоваться в своих подозрениях, и уже никакой твой дальнейший лепет не сможет выдрать закаменевшую мысль из оловянной башки. Быстрее, Санек, в противном случае погибнешь.

впервые В эти секунды он услышал голос другого своего я, которое порой рождается в минуты каких-то личностных катастроф, когда вся твоя плоть мобилизуется для борьбы с этой катастрофой. Прежде Берлову не случалось чувствовать свое параллельное сознание, что выкарабкивается нам в помощь из глубоких психологических ям, поэтому он какимто странным внутренним зрением стал с любопытством наблюдать за собой новым. За тем, как это новое ведет себя, как мыслит, как действует. А новое было шустрым и коварным - не в пример его, в общем-то, обычной сермяжной натуре...

Боже! Наконец-то он узнал того, кто был сейчас по эту сторону всех его мыслей... Богаченко... Из второго взвода. Берлов служил в первом взводе, а Богаченко во втором. Берлов в последний раз видел его, когда тот шел вместе с другими будущими дневальными на

. PACCKA3

плад, где каждый вечер происходят так называемые на армейском языке разводы. Там выстраиваются всевозможные караулы, дежурные, дневальные, и кто-нибудь из старших офицеров, также заступающих на дежурство, начина долго и нудно поучать запывающих от психа мужиков, как они должны, извините, пердеть все эти караульные сутки.

Богаченко, видно, внимательно ловил своими ушами начальственные слова, оттого и исправно несет свой крест дневального. А иначе разве бы он заловил Берлова, когда тот запускал руку в чужой карман? Но я не хотел лезть в чужой

карман! — порывался крикнуть Берлов в желтые глаза, но не крикнул. Слишком неаргументированным вышел бы этот крик. Это тогда каждый бы, натворив дел, мог в одиг миг освооодиться от своих грехов. Но, к сожалению ли, к счастью ли, в жизни такое не полужется. Слишком мы умны все в этон жизни, и нас, как говорится, на мякине не проведешь. Любой мало-мальски взрослый человек сможет безощибочно отличить, где, к примеру, есть воровство, а где, скажем так, банан. Что же касается Богаченко, то он калач тертын, и его не проведешь. Берлов слишком хорошо знает этого дьявола, чтобы заявлять подобное. Это он, Богаченко, месяца два назад, и тоже на своем дневальстве, засек, как один салага по фамилии Ершов тырил ночью у собрата по этой вонючей портяночной жизни деньги, что ненадежно лежали в кармане его гимнастерки. Но утром, естественно, Богаченко, хохол проклятый, раззвонил о ночном случае на весь белый свет, и уже вечером того же дия озверевшая братва била бедного Ершова так, что у него вены лопались на теле, разбрызгивая черную густую кровь по кафельным стенам туалета. Таков армейский неписаный своровал - готовься, закон: как говорится, стать калекои. Кошмар? Бесчеловечность?.. Да кому ж до этой морали здесь дело, когда с ранней зорьки ч до поздних сумерек в фмик учат не правилам хорошего поведения за столом, а науке жестокости, учат, как крепко вдарить жертве в морду или же вовсе лишить ее духа. Вот брат-

Что касается Саньки Берлова, рядового восьмой, сразгильдяйской» роты. как ее брезгливо называли полковые начальники за то, что в ней, искусственно составленной из всякого рода оболтусов, включая и бывших осужденных, то и дело творились разного рода безобразия, — он тоже нару раз участвовал в такого рода вакханалии. Он хороно номнит, как,

ва и звереет, когда представит-

сн случай, вот и испытывает

накопившуюся в жутких днях

злость. И тоска чуется в этой

злости по бесцельно уходящим

лучшим годам, и затравлен-

ность, и молодая дерзость... Все

O BEYHOM, O CUITE

невольно поддавшись всеоощему экстазу, с остервенением бил понавшихся с поличным воришек, совсем пацанов, хлипких и плакучих. Хотелось ударить побольнее, хотелось вышибить мозги жертве, размазать эти мозги по полу и растоптать; хотелось крови, много крови и крика, и шума, и слез. И это осо было, и это опьяняло, и хотежень того, чтобы линчевание было бесконечно долгим, чтобы оно продолжалось до тех пор, пока они, линчеватели, опьяневшие от крови, не упадут от усталости наземь.

Но Ершова, которого в прошлый раз засек Богаченко, Берлов не бил, били другие. А потом те, кто бил, сами же и унесли расплющенную жертву в санбат — то ли на излечение, то ли умирать. Как принято, сказали врачам, что паря упал с дерева или что-то в этом роде. Конечно, было расследование, но, как всегда, никто ничего не тал, никто ничего не видел. Дескать, подошли, когда солдат уже помирал. В таких случаях, а это было законом, переходящим из одного солдатского поколения в другое, и сама жертва, дыша порой на ладан, говорила неправду. Упал, мол, и точка. А где упал, откуда упал - не помнит. Так прекращалось очередное уголовное дело, и все растворялось в ожидании

дела другого, быть может, куда более страшного по своей сути, чем прежнее.

У Берлова в груди все также было тревожно и тоскливо. Мысли с бешеной скоростью шарахались по его башке и не находили выхода. Было безнадежно и страшно. Вспомнилась вдруг ни с того ни с сего мать, при этом такой, какую он видел в последние секунды перед тем, как эшелону, забитому новобранцами, словно та банка с расплющенными шпротами, упыхтеть в неизвестную даль. Хупенькан, растерянная и слезливан, она стояла на выстиранпом дождем перроне и, будто в замедленном кино, долго-долго махала в ту сторону, в которои растворялся поезд. Она прощалась с Санькой, а тот, высунувшись по пояс из окна вагона, лихо и безрассудно улыбался, отравленный уже ветрами родантики. Ему было блаженно, ибо он ехал продолжать свою жизнь — молодую и бесконечную. Хотелось крикнуть, дескать, прощай город, прощай мама! Он, Санек, приедет к ним уже другим, сильным и мудрым...

Вот вам и вернулся мудрым! При воспоминании о тех уже полузабытых днях у Берлова чуть было не выпрыгнули слезы из-под вмиг раздувшихся век. И так ему стало одиноко, так жалко сеоя, что восхотейось завыть. И он бы завыл, если бы не эти желтые с прожилинками глаза, что продолжали глядеть на него из глубины хмурой тишины.

О, как он ненавидел эти глаза, с каким великим бы удовольствием вырвал бы он их своими кренкими пальцами из богаченковских глазниц. Потому что они душили Берлова, про-

никали в его душу, выворачивая ее и терзая.

Ну что ты смотришь на меня, как на последнее дерьмо! хотелось закричать Берлову так, чтобы у того сердце остановилось от испуга. — Не хотел и воровать, слышишь? Не хотел!

Санька не лгал себе. Все в самом деле произошло случаи-

в эту ночь ему почему-то не спалось. Бывает такое, когда перенапряжется человек за будний день, а потом сон его не берет. Вот и Берлов, подложив руки под голову, лежал и тижело думал о своем незавидном бытие, которое походило больше на поганую житуху вечно битого щенка, когда вокруг одни лишь крики, угрозы, маты и ни одного мало-мальски человеческого слова. Такой вот, страннои и не похожей на киношную, увидел он армию, которая завертела его, закружила и из некопда доброго малого Саньки стала потихоньку лепить затравленного суровой обыденщиной зверька.

О, Берлов уже понимал, что это был всего лишь навсего розовый бред, когда он думал о том, что домой он вернется справным мужиком. Другим он вернется — это точно. Но каким? Злым, раздраженным, не чувствующим добра? Да разве бы он стал раньше бить до полусмерти человека, которого попутал бес и который позарился на чужое крохотное добро? Ну разве соизмеримы эти две величины — кроха, которую возжелал украсть заблудший, и его здоровье, его жизнь? Нет, нет и нет! Кстати, это и теперь он понимал прекрасно, как понимали это и другие обитатели казармы. И тем не менее они били за крохи. Били сильно и беспощадно. Почему? Берлов этого не знал.

Берлова, как сам он думал, тоже попутал бес. И попутал в тот самый момент, когда он был занят, в общем-то, невинным делом: уставший от бессонницы и вконец разбитый, решил расслабить свои нервы табачком. Но так как своего табачка у него не оказалось, Берлов, а такое случается в здешней казарменной жизни, и никто, кажется, на это не обижается, принялся искать его в карманах чужих «хобошек». Долго шел он вдоль нескончаемого ряда коек, пока в одном из карманов не обнаружил хилую пачку сигарет. Запустил в него руку и, неожиданно для самого себя, вместе с сигаретами выудил, дьявол бы его побрал, самый настоящий кошелек, какие служат для того, чтобы в них носили деньги. И нет бы, пока еще вошь не укусила, вернуть этот коппелек на свое место, но Берлов промедлил...

А потом его погнал уже какои-то дьявольский интерес. О, если оы ему вернуть назад ту секунду, когда его рука раскрывала этот проклятый кошелек! Ну да куда там — проехали. И секунду ту не вернешь, и богаченковские глаза, эти желтые ненавистные глаза никуда не денешь.

Берлов, нервно сглотнув застрявший в горле - очередной приступ страха, вновь подумал Богачено том, видел ли ко, как он вытаскивал из кошелька червонец, чтобы рас-

смотреть его на свет, или нет.

Но даже если и видел — что в Санькином поступке предосудительного? Ведь не спритал же он ни кошелек, ни червонец себе за пазуху, под обвислой казенной майкой! Он вообще, может быть, не хотел их прятать, он просто хотел взглянуть на это диво дивное солдатской жизни, на эти деньги, которые у солдата на вес золота. Много ль их видит, к примеру, тот же Берлов? Ну что там на месяц старшина выдавал - раз сходишь в солдатское кафе - и конец им. Случалось, мать подбросит десятку, ну да разве и это деньги? Впрочем, и этих денег не следовало бы матери ему высылать: у самой двое еще шкинделей на шее сидит - мал мала меньше, а она оцна в доме трудяга. Отец как смылся после рождения младшей Люськи в неизвестном направлении, так его даже милиция не смогла отыскать. Во за-

лег на дно! Что тебе подводная лодка у Высоцкого, которую нельзя запеленговать. Санька давно наметил себе: как только уходит на дембель, так немедленно приступает к розыску этого подлеца. И, ей-Богу, он его найдет! А тогда уже пусть паразит не ждет от него пощады. За подлость нужно платить. А то, видите ли, герой нашелся: настрогал троих — и в кус-

Где-то в другом конце вытянувшейся длинным трамваем казармы проблеял во сне нечто несвязное какой-то хмырь, и в ту же секунду Берлов ощутил, с какой пронзительной силой он позавидовал его положению. Что и говорить, тот встанет утром бодрячком, с чистой, как у ангела, душой, и ни одна сука не сможет обвинить его в страшном грехе. А вот Берлова обвинят. Он даже на миг представил себе, как Богаченко будет тревожно нашештывать с продирающей глаза трудом братве о ночном происшествии. А может, этого вовсе не будет? Может, Берлов напрасно боится, ибо Богаченко ничего такого и не думает, потому что ничего крамольного он за Санькой не заметил? Вот, вот, в казарме слишком темно, чтооы что-то разглядеть... Но почему же тогда этот гад так напряженно молчит?

— Ты что смотришь? Не видел, что ли? — как можно увереннее произнес Берлов, но в голосе его звучал дребезжащий, словно ненастроенная гитарная струна, страх.

— н-то ничего, а ты вот что не спишь? Давай-ка, дуй спать... - сказал Богаченко ровным голосом, и непонятно было, скрывалось что-нибудь за этим видимым сноконствием или нет.

Шарахнувшись бедром о стояк конки и машинально поморщившись от боли, Берлов поорел на свое место. Он шел и в темноте натыкался на табуретки, на которых покочлись десятки одинаково сложенных согласно армейским правилам солдатских роб. Иногда чья-нибудь роба, снесенная Берловым, падала на пол, не он не останавливался и не возвращал ее на место, потому что в эти мгновения он пуще смерти боялся притронуться к чужой вещи. Ему не хотелось больше судьбу. Хватил, испытывать мол, когда неизвестно чем закончится у него история с кошельком, который он впопыхах все же умудрился запихнуть вместе с сигаретной пачкой на свое место. Что же его ждет? Теперь, видно, все зависит от того, как себя новедет Богаченко. Вон он, сучье отродье, словно дикая кошка, вышедшая на ночную охоту, тихо скользит вдоль коридора. Берлов видит его звериный силуэт сквозь железные переплеты кроватей и чувствует опасность, которая исходит от этого человека. И ненавидит его. Это его враг. Это самый лютый на данную секунду враг его жизни. Его надо бояться пуще самой страшной ядерной бомбы, пуще дула заряженного автомата, направленного тебе в лоб. Вон он как тихо крадется, вон как... Он сеичас твой властелин, а ты его раб. Он охотник, а ты мышь, которую он, по всей вероятности, проглотит.

Мысли все об одном и том же: пронесет или не пронесет? Ну а вдруг и в самом деле пронесет? Случается ведь в жизни паже такое, когда и смерть, поимав человека в крепкие свои сети, вдруг отступает. Сколько таких счастливых люден ходит по этой земле, тех, которых смерть пожалела! А сколько таких, кто грешен, кто, к примеру, не будет под руку сказано, воровал, но чей грех был не замечен или же замечен, но не обнародован? Счастливые люди, чей грех так и остался тайной, кому дано переживать его не принародно, а в себе. Берлов готов до самой смерти переживать свой грех, мучиться им, страдать, лишь бы только он не стал достоянием его ротной братвы. Богаченко, ну будь ты человеком! Пощади, не бросай под нож!

Добравшись на ватных ногах до постели, Берлов вяло опустил на нее свои худые костистые мощи, опроминулся на спину и замер.

В окно с любопытством заглядывала безлунная, но звезд-Звезды ная мартовская ночь мирно иллюминировали символизируя тем самым блаженство и спокойствие, воцарившиеся над миром. Взглянув на эту ошеломляющую умиротворенность, которая так контрастировала с его внутренним состоянием, Берлов даже испугался и тижело, словно раненый зверь, вздрогнул. И вновь горячая волна тревоги растеклась по его телу. Сжав до боли зубы, так, что они готовы были лоннуть от этого нечеловеческого усилия, Берлов попробовал успоконться. Он закрыл глаза, сдавил ладонями нещадно ломящие виски и замер.

Где-то в глубине его тела маленькой точкой возникала большая боль. Поначалу он ее даже не разобрал, а когда почувствовал, то удивился, иоо это было что-то новое для него. - Что это, болит сердце? Неужели оно может так сильно бо-

леть? — подумал он. Долго лежал Берлов с закрытыми глазами и боролся со своими тяжелыми мыслями. В какое-то мгновение ему даже показалось, что он успоканвается, но вот небо за окном просветлело, проявилось нарождающимся утром, и Берлов, шкурой своей ощутив это предпробудное состояние, вновь заерзал и забился в тревожных мыслях. Сердце охватила тревога, которая в конце концов превратилась в страх.

Умереть бы... Вот так, в одно мгновение, ничего не чувствуя. Но ведь, ё мое, как жить хочется! А еще у него мать есть, которая ждет его как Бога, потому как ей одной трудно младших поднимать.

- Мамка! Прости меня, мамка! За то, что и подохнуть хочу... — захлеонулся невидимой слезой Берлов. — Ты понимаешь, мамка, утро наступает и тогда...

При этой мысли Берлов с новои силои вдруг ощутил, как из глубин его нутра восходит к нему утихшая было странная боль. Эта боль становилась всеобъемлющей и зловещей. Она потихоньку расползалась по телу, пожирая все большие и большие участки тела. Проидет время, и боль отнимет у Берлова и спину, и руки и разорвет на части его грудь, и поидет гулять дальше по его молодои плоти.

А что если преодолеть эту слабость, преодолеть встать с постели, подкрасться к Богаченко и...

Мысль о том, что со своен этой проблемой, которая не давала ему жить, можно покончить одним махом, возоудила Берлова и воодушевила.

Вот именно, Богаченко нужно непременно убить! Пока не поздно! Это его, Берлова, единственный сейчас шанс. Но как это сделать?

. Берлов попробовал представить в своем разгоряченном сознании образ Богаченко, и тот нвился ему этаким увальнемхохлом, каким он и был в жизни, с мисистой шеей, широким визким лбом, с толстыми, словно сосиски, красными пальцами. Не-ет, просто так Берлову с этим шкафом не справиться.

За окном становилось все светлее и тоскливее. Где-то возле тумбочки дневального завозился Богаченко. Видно, подходило время, когда он поидет будить своего сменщика. Нужно решаться! Но что он может сделать? Подкрасться незаметно к оружейной комнате? Но ведь она на замке, и ключ находится у старшины роты. Где спит стар-

Тем временем Богаченко уже встал со стула. Берлов в просветлевшем пространстве уже видит его набычившуюся фигуру, которая не спеша устремляется в глубь казармы. Пройдет немного времени, и он начнет будить очередника. И первым делом он скажет ему о Берлове, и зародится, поползет дьявольская цепь событий, которую уже не прервешь, не уничтожишь.

Берлов, напрягшись, посадил свое тело в кровати. Еще секунда, и он вскочит и устремится за Богаченко. Ему ведь нужно только незаметно подкрасться, выхватить изловчитьея

штык-нож, вон тот, что болтается у того на крепкой ляжке. Ну давай, Санька, давай!.. Но отчего его тело такое тяжелое, почему оно не слушается? Испугался? Трус ты, трус! Сволочь! Слизняк!...

А Богаченко все также мед-

ленно шел вдоль ряда двухъярусных коек и лениво позевывал. Он уже расслабился и жил в предвкушении близкого отдыха. Через несколько минут он уже будет, как говорят в армии, давить подушку, утонув в предрассветном сладком сне. Вот только дойдет до койки сменщика, толкнет его в бок, да посильнее, да позадиристее. Ишь, сука, разокналин! Пора и совесть знать, салага пузатая... Жаль ему будет только одного: не ему, Богаченко, придется нынче будить народ. А его хлебом не корми — только дай над толпои поиздеваться. Бывало как заорет своим слоновым ором: «Подъ-ееем!» — так братва аж из постелей со страху вываливается. Недаром не любят мужики, когда Богаченко дневальным заступает. Деды, то есть старослужащие, не случайно упроси-. ли старшину, чтобы он ни в коем случае не ставил этого обалдун народ поднимать. А так как сам старшина страшно не любил голоса Богаченко, которын мог легко испортить его настроение, он с удовольствием лишил, этого, как он называл, «сартирного Шаляпина» триумфальнов роли будильника. Богаченко, конечно, расстроился: но разве ж кто иной сможет так сочно по-фантомасовски проорать побудку.

Осуществил бы он свою коварную мысль, нет ли, но неожиданно у Берлова стрельнуло в груди так, что он охнул и откинулся на подушку. Последнее, что помнит Берлов перед тем, как забыться, — вскрик салаги Мыльникова. Видно, этот дьявол Богаченко все ж-таки удержался от того, чтобы не поддать сменщику под ребро, а тот и заори от боли. В предрассветной казарменной мути послышалось недовольное ворчание братвы, а кто-то даже обложил подлеца тижелым ар-

мейским матом. И снова казарма растворилась в призрачном счастье, которое Берлов уже ненавидел пуще хохла Богаченко, ибо в беде такое счастье наблюдать невоз-

Утром, после того как Мыльников слабым своим голоском побудку, встали проверещал все. Не встал лишь один -- рядовой Берлов, чему старшина роты Попов страшно удивился. Санька был не из тех мудазвонов, которые подводят его.

На глазах у сонной публики Попов подошел к кровати Берлова, рывком сдернул с того колючее казенное одеяло и ядовито прошипел: «Вставай, сука, десять секунд даю на подъем...». Но Берлов не проснулся и после этих слов. Неяркий мартовский свет неожиданно упал из окна на его лицо и обнажил на нем остекленевшие глаза, а также мученически искореженные тонкие фиолетовые губы. И был он весь какой-то жалкий и беззащитный, а похожий на ту неосторожную собаку, которую сбил на дороге грузовик.

— Братцы! Братцы! Берлов помер! — понеслось по казарме, и те, кто в ней был, застыли в неожиданном испуге.

...Берлов проснулся разбитым, с бешено работающим сердцем. Казарма шевелилась неосторожным разбуженным муравеиником. Рядом кто-то шибко материл дневального Богаченко, который перепугал всех до смерти своим бесчеловечным «Подъeeem!».

Но почему роту будил Богаченко, когда это должен был делать Мыльников?.. Берлов выпучил бестолково глаза и замотал головой. Что случилось? Что за кошмар пережил он этой ночью? Он уже вообще не понимал, то ли это была явь, то ли сон. Все переплелось, все перемешалось в сей херовой жизни, что с ума можно сойти. А может, он и впрямь сошел с ума или, более того, помер!

— Выходи строиться на зарядку! — провопил дневальный, и темное стадо молодых мужиа там дело техники. Главное — ков, громыхая сапотами, понуро поплелось к выходу.